Птицы его жизни

Автор: <u>Екатерина Вильмонт</u>
Птицы его жизни
Екатерина Николаевна Вильмонт
В его жизни все донельзя запутано. Отношения с родителями: по словам отца, он «крученый, верченый». С женщинами – любимой и нелюбимой. У него большой талант, но гордость и гордыня мешают ему. Однако есть на свете девушка Аглая
Екатерина Вильмонт
Птицы его жизни
© Вильмонт Е. Н., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020
***
Часть первая

Дело было в Берлинском аэропорту Шёнефельд.

- Привет, лапочка!

Передо мной стоял совершенно незнакомый мужчина и радостно улыбался. Я не успела и рта раскрыть, как он вдруг обнял меня за шею и прошептал на ухо:

- Сделайте вид, что рады встрече. Это в ваших интересах!

Я жутко испугалась. Что все это значит? А он шептал, не разжимая объятий:

- Вам что-то подкинули в рюкзак. Идемте со мной, и ничего не бойтесь.

И он куда-то меня повел.

- Я ничего не понимаю!

Я попыталась высвободиться из его объятий, но он держал меня мертвой хваткой.

- Перестаньте дергаться, я не причиню вам вреда, наоборот, я хочу спасти вас.
- Спасти? От чего?
- Ну вот что, ступайте сейчас в туалет и в кабинке проверьте, нет ли в вашем рюкзаке чего-то вам не принадлежащего. Если найдется, зажмите это в руке и, когда выйдете, отдайте мне.

Он говорил так властно и непререкаемо, что я совсем сомлела от страха.

- Ну же, девушка, что вы стоите? Идите скорее!

Я и, сама не знаю почему, подчинилась. Скорее всего от страха. Заперлась в кабинке и дрожащими руками открыла рюкзак. На первый взгляд там ничего постороннего не было. Я стала судорожно рыться в вещах и вдруг... обнаружила незнакомую ключницу из ярко-красной кожи. Но ключей там явно не было. Я дернула молнию. Внутри лежало пять пакетиков с белым порошком. Господи, что же это? Неужто кто-то подкинул мне наркоту? Я облилась холодным потом.

«Зажмите в руке и отдайте мне!» Ничего себе... Вероятно, этот незнакомец заметил, как мне что-то подкинули в рюкзак и решил помочь... А я даже не помню, как он выглядит. Но сердце екнуло, я зажала в руке ключницу и, даже не глянув в зеркало и не вымыв руки, вышла из туалета. Кажется, это он стоит, ждет меня.

- Ну что, лапочка? Убедилась, что все с твоим личиком в порядке? - довольно громко произнес он. - Я же говорил, ты чудесно выглядишь! Пошли-пошли, успеем еще кофейку дернуть.

Он привел меня в кафешку, усадил.

- Сейчас принесу кофе!

Пока мы шли по направлению к кафе, он вынул из моей судорожно сжатой ладони ключницу.

- Сиди тут, я сейчас!

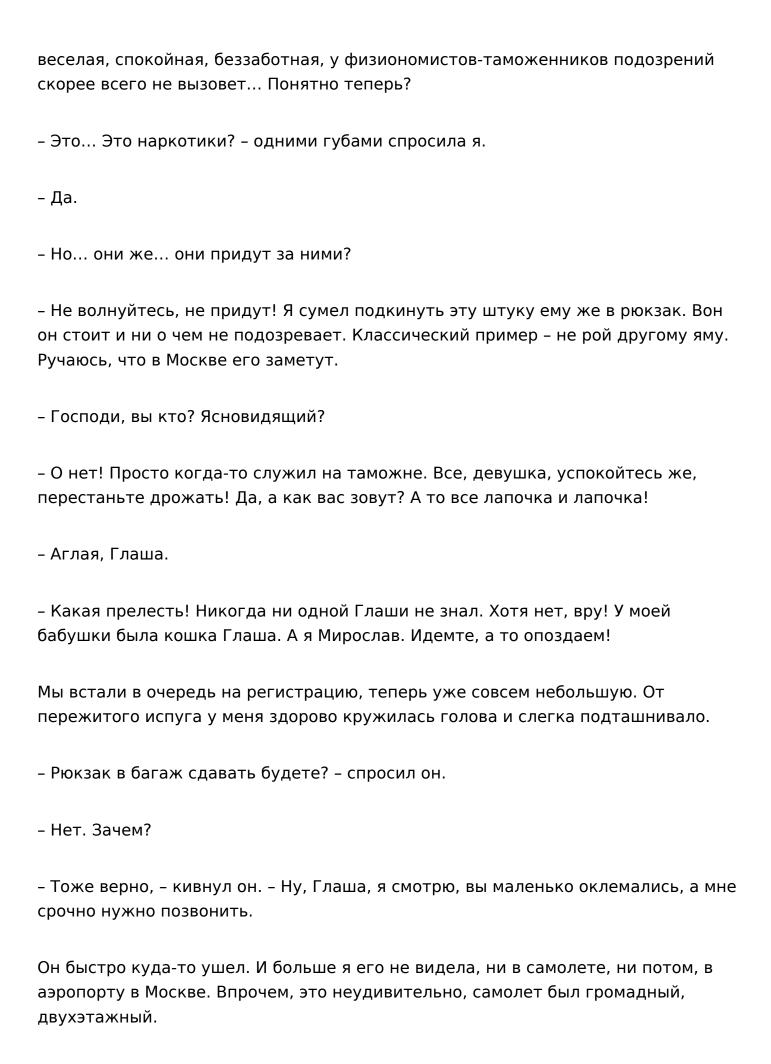
Я сидела в полной прострации. Что же это такое?

Он вернулся минут через десять с подносом, на котором стояли два картонных стаканчика с кофе и минеральная вода. Поставил стаканы на стол и сел напротив меня.

- Все уже позади, успокойтесь и перестаньте дрожать. Все кончилось.
- Господи, что это было? Объясните же мне наконец!
- Теперь могу объяснить... улыбнулся он.

У него было интересное лицо, хорошая улыбка, лет ему примерно тридцать шесть – тридцать семь.

- Я совершенно случайно увидел, что какой-то тип сунул что-то вам в рюкзак. Если бы вас стали обыскивать, неприятностей хватило бы на долгие месяцы, если не годы. Я хорошо знаком с такой практикой. Стоит милая девушка,

Я вызвала такси. И вдруг он подошел ко мне, этот Мирослав.

- До свидания, Глаша! И впредь путешествуйте лучше с чемоданом, безопаснее!
- Спасибо вам огромное, хоть вы и напугали меня!
- Того типа задержали, я видел. Живите спокойно, пока!

И он опять исчез.

У меня оставалось еще пять дней отпуска, успею прийти в себя после случая в берлинском аэропорту. Какая-то совсем киношная история... Но лучше поскорее о ней забыть, хотя мне понравился этот человек, Мирослав. Красивое имя... Считается, что девушка обязательно влюбляется в своего спасителя, это естественно, но в моем случае это так глупо! Я ведь скорее всего никогда его больше не увижу, но и не забуду никогда!

И я с остервенением взялась за уборку квартиры. А то, когда выйду на работу, времени будет в обрез. Не могу сказать, что не люблю свою работу, тем более что мне очень неплохо за нее платят, но в последнее время мне стало там скучно. Не о том я мечтала, но... А ведь многие мечтают именно о такой работе. А я просто нахалка...

На другой день я проснулась в чистой квартире. Тихо, мирно, солнышко за окном, хорошо бы еще купить цветов... И ягод. Лето! Недалеко от дома с пятницы до понедельника работает ярмарка выходного дня, но сегодня еще только среда. Ничего, пройдусь пешочком до рынка, холодильник пуст, а есть хочется. И для начала я отправилась в маленькое кафе в соседнем переулке. В конце концов, я еще в отпуске. Я допивала кофе, как вдруг у меня зазвонил телефон. Номер был незнакомый.

- Алло!
- Простите, могу я поговорить с Аглаей Сергеевной? спросил мужской голос, явно немолодой.

- Слушаю вас.
– Аглая Сергеевна, мне дал ваш телефон Игорь Прокудин.
Игорь Прокудин бывший муж моей старшей сестры.
– Да-да, слушаю вас.
- Аглая Сергеевна, Игорь сказал мне, что вы великолепно владеете четырьмя языками и у вас наверняка есть шенген.
– Все так, но
- Аглая Сергеевна, голубушка, выручайте! У меня безвыходное положение, я должен завтра на два дня лететь в Вену, а моя помощница попала в больницу. Ради бога выручайте! Все будет хорошо оплачено. Умоляю, соглашайтесь! А иначе все полетит к чертям! - в его голосе слышалось отчаяние.
– Простите, не знаю, как к вам обращаться
- Ox, я в спешке даже не представился. Андрей Борисов.
- А по отчеству?
– Олегович. Андрей Олегович. Ну, что скажете?
– Да в принципе это вполне возможно, я до понедельника в отпуске.
- Господь услышал меня! Спасибо вам огромное!
– Погодите, Андрей Олегович. Надо все же кое-что уточнить. Какой сферы касаются ваши переговоры? Я ведь в какой-то ситуации могу и поплыть
- О, не беспокойтесь, голубушка Аглая Сергеевна! Игорь, с которым мы тесно сотрудничаем, говорил, что вы чрезвычайно добросовестны, и ему вы не раз помогали

- О, в таком случае я согласна!

Мы еще обговорили кое-какие детали и условились встретиться уже в Шереметьеве.

Игорь Прокудин развелся с моей сестрой уже пять лет назад, вернее, это она с ним развелась и вышла замуж за канадского француза по имени Оливье.

- Нет, ты подумай, Глашка, выйти замуж за салат! горько смеялся Игорь, которого глубоко обидел поступок Ангелины, теперь она зовется Анжелой. Он любил ее, а она маниакально стремилась за рубеж. И увезла с собой их трехлетнюю дочку Валечку. Игорь не стал препятствовать, понимал, что одному ему не справиться с ребенком, и не желал вступать в борьбу, а моя сестрица всегда и за все боролась не на жизнь, а на смерть. Со мной она тоже боролась за родительскую квартиру. Но я вовсе не борец по натуре и в результате квартира была продана, мне сплюнули какие-то гроши и, если бы не наш дед, я бы осталась просто на улице.
- Глашечка, да черт с ней, перебирайся ко мне, а там ты или найдешь мужа с квартирой, или я скоро помру, только бога ради не ввязывайся в борьбу, все равно проиграешь, не тот у тебя характер, ты слишком порядочная, а Гелька пошла в бабку, ты же знаешь, я ее всегда звал Воеводой, только бабка-то ваша боролась за справедливость, а Гелька исключительно за собственные интересы.

И я перебралась к деду. Два года мы прожили душа в душу. А с Игорем мы друзья. Он больше не женился, не хочет. Крутит роман с замужней женщиной, обоих это устраивает.

А я в девятнадцать лет выскочила замуж за аспиранта филфака, на котором училась, но через год поняла, что мне категорически не нравится замужняя жизнь, и дождавшись, когда муж защитит кандидатскую (уйти до защиты я считала непорядочным), после банкета объявила, что ухожу. Он пошумел, поизображал страдание, но довольно скоро утешился. Господь с ним!

Перспектива на два дня слетать в Вену, а главное, заработать денег, меня здорово обрадовала. Я вообще легка на подъем. К тому же я была твердо уверена, что Игорь меня не подставит, не порекомендует какому-нибудь упырю. И тут я вспомнила совет моего спасителя Мирослава – путешествовать лучше с чемоданом. Чемодан у меня был, но слишком большой для двухдневной поездки. Мне давно нравились маленькие пластиковые чемоданы на колесиках. И я отправилась в ближайший супермаркет, где имелся большой отдел чемоданов и дорожных сумок. У меня разбежались глаза. Мне приглянулся один чемоданчик ярко-красного цвета, но он стоил столько, что сразу мне разонравился, слишком приметный, даже вызывающий. А вот тот, темно-вишневый? Тоже, прямо скажем, не дешевый, но, по крайней мере, мне он по карману. И я с восторгом его купила. Ничего, мне же заплатят за поездку.

Вернувшись домой, я позвонила Игорю.

- Привет, Глашка, знаю, зачем звонишь, со смехом сказал он. Не волнуйся, мужик более чем нормальный, я бы даже сказал золотой.
- Это в каком смысле?
- В моральном. Ему шестьдесят четыре, он крупный ученый, мирового уровня, у него своя фирма и он постоянно мотается по свету. Но с языками беда, категорически к ним неспособен. Если вы поладите, у тебя может в корне перемениться жизнь. Ты же у нас лягушка-путешественница. Между прочим, он прекрасно знал твоего деда.
- Да ты что!
- Да, и это, кстати, решило дело. Он сказал: внучка Алексея Анатольевича это лучшая рекомендация.
- Ну и для меня его знакомство с дедом о многом говорит. Так или иначе, а в Вену я еду!
- Вот и славно! Счастливого пути!

Мы с академиком Борисовым договорились встретиться возле справочной в половине девятого утра. В этот час там стоял только один человек, высокий, очень худой, в костюме с галстуком и явно дорогих элегантных очках.

- Андрей Олегович?
- О, голубушка, Аглая Сергеевна, как хорошо, что вы так пунктуальны! Но вы такая молоденькая!
- Да нет, мне уже двадцать девять.
- Не уже, а всего только двадцать девять, рассмеялся он. Будем знакомы. Я рад! Я прекрасно знал профессора Юрлова. Он был когда-то моим научным руководителем, очаровательный человек! Скажите, как лучше к вам обращаться, по имени-отчеству?
- Зачем? Лучше просто Глаша.
- Глаша, какая прелесть! Глаша, вы завтракали?
- Нет, не успела.
- Я тоже! В таком случае пойдемте в «Кофеманию», там замечательно готовят овсяную кашу.
- Овсяную кашу? удивилась я. Ну что ж, идемте. Я еще никогда не ела овсяную кашу в аэропорту, даже в голову не приходило. Андрей Олегович, вы сидите, я принесу кашу.
- Глашенька, мне две порции. Советую и вам взять две.
- Спасибо, мне хватит одной.
- Погодите, возьмите-ка карточку, это на наше с вами пропитание! И закажите мне чашку капучино, а себе берите все, что вам глянется.

- Спасибо!
Он мне понравился, с ним было легко и просто. Что значит хорошо воспитанный человек.
Академик Борисов уплетал кашу с таким аппетитом!
– Глашенька, вы почему так на меня смотрите? Вам кажется абсурдной такая любовь к овсянке?
- Ну, если честно, то да.
– Понимаете, мне дома варят кашу, но она почему-то далеко не такая вкусная.
Андрей Олегович принялся за вторую порцию.
– Могу предположить, что дома из соображений, скорее всего, диетических, вам дают овсянку на воде, а тут – на молоке.
– Да? – Он озадаченно уставился на меня. – Так просто?
– Думаю да.
– Ну надо же – И он вдруг залился каким-то детским смехом. – Какая же гадость все эти диетические соображения! Ну вот, поел как человек – и жизнь уже прекрасна! А теперь, Глаша, я расскажу, что, собственно, нам предстоит в Вене. Вы там бывали?
– Один раз. Три дня.
- Вы немецкий хорошо знаете?
- Да.
– Игорь, кажется, говорил про три или четыре языка?

- Ну да, еще английский, французский и чуть хуже испанский. - Превосходно! - радостно потирал руки академик Борисов. - Но, как правило, на переговорах вполне обходятся английским. Я как-то пришла в одну фирму устраиваться на работу и сообщила про четыре языка... - И что? - Мне сказали, что это лишнее, хватит и английского. - Но на работу взяли? - Нет. Сказали, что не хотят платить лишнее за ненужные им языки. - Какой идиотизм! - Я тоже так подумала и решила, что работать с такими идиотами себе дороже. Так все же, Андрей Олегович, что же нам предстоит? - Да-да, извините, я отвлекся. С вами приятно болтать, а я, да будет вам известно, страшный болтун. Но к делу! Сегодня днем у нас обед с партнерами, вечером еще одна встреча. Завтра тоже деловой обед. И еще у меня будет к вам личная просьба: не могли бы вы купить хороший подарок для моей жены, у нее на следующей неделе день рождения. - Ну, переговоры меня не смущают, а вот подарок для жены - это куда сложнее. Я же не знаю вашу жену, какие у нее вкусы, что она любит. - Глашенька, моей Людмиле Арсеньевне исполняется пятьдесят восемь лет, значит, что-то молодежное ей не подойдет. Обычно я дарю ей просто какую-то сумму, но на сей раз хотелось бы что-то еще. - Поняла. Тогда, может быть, хорошую дорогую сумку, в которую и положите вашу сумму?

Академик хлопнул в ладоши.
– Роскошная идея! Но какая это должна быть сумка?
– А какие ваша жена носит? На длинном ремне или же с двумя ручками, мягкая или, наоборот, жесткая?
- Господи помилуй!
– А у вашей жены есть близкая подруга?
- Есть, а что?
– А вы позвоните ей и объясните ситуацию. Близкая подруга должна знать такиє вещи.
– В самом деле! – обрадовался Андрей Олегович. – Роскошная идея!
И уже через десять минут я знала, что сумка должна быть мягкой, на длинном ремне и непременно с карманчиком для ключей снаружи. Потом академик вручил мне еще одну карточку на покупку сумки и довольно пухлый конверт.
- Это ваш гонорар.
– Но я пока его не заработала.
- Заработаете! А вдруг вам тоже захочется что-то себе купить.
– Ну что ж, спасибо большое!
В Вене нас встретили, отвезли в хороший отель, дали час на сборы и потом повезли на деловой обед.
Переговоры были весьма оживленными, и у меня практически не было

возможности нормально поесть. Ничего страшного, с голодухи не помру.

Потом мы с академиком решили пойти пешком в отель.

- Фу, как я устаю от этих переговоров, и как меня бесит моя вынужденная беспомощность. Ужасно в наше время не владеть ни одним иностранным языком... Это чудовищно глупо и нелепо, но я катастрофически неспособен к языкам.
- А я на что? По-моему, я справилась.
- Конечно, справились, на пять с плюсом, но остались голодная. Вот что, Глаша, сейчас мы зайдем в какое-нибудь кафе и вы нормально поедите. И не вздумайте возражать.
- А я и не возражаю.

Я чувствовала себя прекрасно. Дивный город, явно удачные переговоры и удивительно славный этот Андрей Олегович. А утром еще предстоит пусть недолгий, но шопинг. Что еще надо в отпуске женщине? Разве что еще разок встретить Мирослава. Но это же нереально...

В самолете на обратном пути Андрей Олегович вдруг спросил:

- Глашенька, скажите, а где вы обычно работаете?
- В одной рекламной фирме. Довольно крупной.
- И что вы там делаете с вашим культурным багажом? На мой взгляд, реклама просто рассадник безграмотности и бескультурья.
- Пожалуй, я с вами соглашусь, улыбнулась я, но я просто перевожу всякие тексты, деловую переписку, и, по мере сил, стараюсь делать это грамотно. К тому же, мне там неплохо платят. И еще я участвую в переговорах с иностранными заказчиками. Как-то так...
- А коллектив приличный?

- Да не сказала бы, бабья много и, соответственно склок тоже хватает, но я по мере сил стараюсь держаться в стороне. Единственный недостаток, и довольно существенный, это далеко от дома. А почему вы спросили, Андрей Олегович?
- Да вот пообщался с вами два дня, и возникло желание сманить вас к себе в контору. Я минимум раз в неделю встречаюсь с иностранными партнерами, изредка в Москве, а чаще летаю за рубеж, а с языками у меня сами знаете... Моя помощница выходит замуж и уезжает в Македонию. Вот я и подумал... К тому же Игорь говорил мне, что вы любите путешествовать...
- Люблю, но...
- Разумеется, я понимаю, в подобных поездках, да еще с таким старым хрычом много не увидишь, но все-таки... С вами легко и приятно, у вас есть чувство юмора, что для меня очень важно, знаете ли. Полагаю, что смогу вам платить не меньше плюс командировочные. И кроме работы со мной непосредственно вы еще будете переводить разные тексты по мере необходимости. А кстати, где вы живете?
- На Селезневке.
- Позвольте, это же совсем рядом. А наша контора на улице Достоевского!
- Быть не может! Это же пешком всего ничего! обрадовалась я.
- Соглашайтесь, Глаша! К тому же у нас коллектив в основном мужской!
- Андрей Олегович, а вы отдаете себе отчет в том, что многие станут говорить, будто я ваша любовница?
- Не смешите меня, деточка! Все знают, сколько мне лет, знают, что я не самый здоровый человек, у меня чудесная жена и вообще... И потом, пусть, в конце концов, судачат... вдруг рассердился Андрей Олегович. Мне на все пересуды начхать! Поймите, Глаша, мне никогда еще в деловых поездках не было так комфортно.

- Спасибо, приятно слышать, и предложение ваше очень лестно для меня. Но можно я все-таки подумаю?
- Конечно, Глаша, думайте. Посоветуйтесь с Игорем, он ведь тоже со мной работает. И сможет в корне пресекать всякие кривотолки, ежели они возникнут.

И вдруг внутренний голос сказал мне: что тут думать, соглашайся, дуреха! К тому же этот человек знал моего деда, учился у него. Я еще медлила с ответом, но тут мимо прошла одна из стюардесс, на бейджике было написано «Эвелина». В моей нынешней конторе Эвелина Серова была склочницей номер один. И она вечно цеплялась ко мне по любому поводу.

- Андрей Олегович, я согласна!
- Счастлив это слышать, Глашенька! Он даже хлопнул в ладоши. Но вам, вероятно, придется отрабатывать две недели? Да и я все должен уладить с вашей предшественницей.

Мы обсудили еще кучу каких-то деталей и остались весьма довольны друг другом. Мне было с ним легко, почти как с дедом.

Академика Борисова встречала служебная машина, и он подвез меня до дому.

Войдя в квартиру, я первым делом позвонила Игорю и рассказала о предложении Андрея Олеговича.

- Вот и молодец, что согласилась. С ним иметь дело одно удовольствие. Настоящий русский интеллигент. Вроде твоего деда.
- Я это уже поняла и оценила. Но ты все же расскажи мне о нем поподробнее, чтобы я невольно не допустила какой-то бестактности.
- Молодец, Глашка, правильный подход. Ну что тебе рассказать... У него жена, очень славная тетка, живут вроде бы душа в душу, когда-то у них был сын, Константин.
- Умер?

- Нет. Сгинул.
- Kaк?
- Не знаю. Старик никогда о нем не говорит. Ходили слухи, что он то ли спился, то ли снаркоманился, то ли сел по уголовке Впрочем, вполне возможно, что это все досужие домыслы. Короче, не задавай вопросов о детях, вот и все.
– Поняла.
– Ну, а какие там еще могут оказаться скелеты в шкафу, я просто не знаю. И потом, Глашка, подумай, есть разница – десять, максимум пятнадцать минут пешком и полтора часа в транспорте?
– Да, это очень существенно! Но ты-то разве на Достоевского работаешь?
– Нет, я в филиале.
– А, поняла.
– А он тебе про Таньку не рассказывал?
– Кто это Танька?
– Твоя предшественница.
– Сказал, что вышла замуж и уезжает в Македонию.
- И все?
– И все. А что там?
- На редкость вредная была девица, и дура к тому же. И, пожалуй, даже хамка. Можно сказать, презирала шефа за его неспособность к языкам и давала ему это понять.

- Нет, ни звука не произнес. И это говорит в его пользу! - Ну конечно. Впрочем, я был уверен, что он о ней промолчит. - А зачем же он ее держал? - Думаю, не мог собраться с духом уволить ее. Боялся, видно, что она будет скандалить... И был, с одной стороны, счастлив, что она уходит, а с другой растерялся страшно. И кто-то ему напомнил, что моя родственница знает языки. Он позвонил мне, ну и вот... Думаю, ты не пожалеешь. - Надеюсь. Сказать, что на моей работе очень расстроились, узнав, что я ухожу, было бы безбожным преувеличением. Правда, мой непосредственный шеф Эдуард поинтересовался: - И чем тебе тут плохо было? - Совсем даже не плохо, просто далеко. А там десять минут пешком. Есть разница? - А это учреждение тоже связано с рекламой? - поинтересовался он. - Нет, там занимаются наукой! - И там прилично платят? - крайне удивился он. - Да, вполне прилично. - Ну что ж, тогда иди, как говорится, с богом. Думаю, ты там помрешь со скуки! - Поживем - увидим, - пожала плечами я. - Но две недели хошь не хошь должна отработать!

- Естественно.

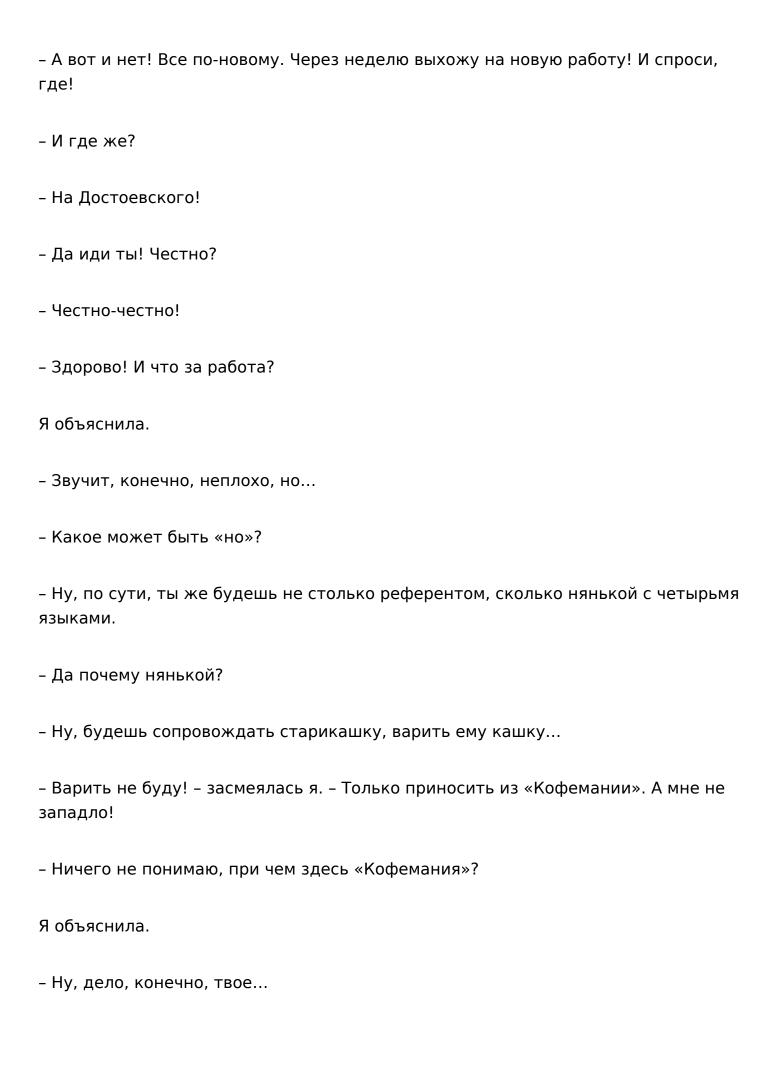
Зато Эвелина буквально не давала мне проходу!

- Признайся, Глашка, дело в мужике? Он там работает?
- Нет. Но там практически одни мужики. Выбор огромный! засмеялась я, зная, как она озабочена этим вопросом.
- Серьезно?
- Да. И все ученые!
- Ученые? Кому нынче сдались ученые? Неперспективно.
- Зато сколько времени экономится для поиска перспективных мужиков! Три часа в сутки!

Я пришла к выводу, что близость новой работы к дому наилучшее объяснение моего ухода. Впрочем, это и в самом деле явилось решающим моментом для меня. Упоминать о поездках по миру в качестве переводчицы я не считала нужным.

Эти две недели показались мне каторгой! Три часа в день на дорогу! И как я раньше не думала об этом? Теперь же можно будет вставать на час или даже полтора позже. Вот лафа! Но тут из Португалии вернулась моя соседка и подружка Марьяна. Она каждое лето ездила туда к брату, который был женат на португальской красавице по имени Эсперанса. Марьяна после месяца жизни на берегу океана возвращалась всегда свежая, как майская роза, довольная, но всякий раз начинала стонать:

– Ой, Глашка, не могу я там... Все чужое, и этот язык, недоиспанский... Нет, я могу жить только в Москве! Ладно, это старая песня! А что у тебя? Все постарому?

– И потом, Андрей Олегович вовсе не старикашка.
– А он женат?
– Женат. А ты что, решила, что я за него замуж собралась?
– Ну, вообще-то пора
– Ox, Марьяшка, если бы ты знала, что со мной было!
- Где?
– В Берлинском аэропорту. На обратном пути.
И я рассказала ей про Мирослава.
– Обалдемон! Просто как в сериале! А как он выглядел?
– Хорошо выглядел Чуть выше среднего роста, фигура отличная, коротко стрижен, загорелый, глаза большие, серые И улыбка такая И руки
- Глашка, нешто ты влюбилась?
– А кто на моем месте не влюбился бы? Только он вовсе не собирался продолжать знакомство.
– Слушай, а кольцо на пальце было?
– Не обратила внимания. Меня так трясло от страха
– Да, история И он даже не сказал, как его зовут?
– Почему, сказал. Мирослав.

- Мирослав? Красивое имя. А между прочим, сколько раз я тебе говорила, что ездить с рюкзаком неженственно!
– Я уже купила чемоданчик.
– Да, а на новой работе есть дресс-код?
- Не думаю.
- Говоришь, там одни мужики работают?
– Андрей Олегович так сказал.
- Тебе надо в корне поменять свой стиль.
– Зачем это?
– Ты не должна ходить туда в образе «своего парня»! Куда это годится? Джинсы, ковбойки, ветровки Ты уже старовата для такого стиля. И никаких кроссовок, только изящная обувь! У тебя же красивые ноги, зачем их скрывать? Может, была бы ты одета, как девушка, глядишь, этот Мирослав взял бы твой телефончик!
– Ну, будь я одета, как девушка, у меня не было бы рюкзака, а следовательно
– У тебя мог бы быть изящный маленький рюкзачок вместо сумочки, и тогда А вот скажи, в Вене на переговоры ты тоже ходила в ковбойке и джинсах?
– Нет, конечно! В костюме с блузкой и на шпилечках.
- Скажи, а в Берлине ты себе никаких шмоток не купила?
- Купила! Одно дорогущее платье в магазине «Марко Поло».
– Покажи!

Я показала.

- Обалдемон! всплеснула руками Марьяна. Полный обалдемон! Вот в этом платье ты просто классно смотришься! Только не советую надевать его в первый рабочий день. Не так поймут.
- Нет, Марьяшка, я его собираюсь надеть в последний день на старой работе!
- Вот это клевая мысль! Представляешь себе, какой там будет обалдемон?
- Еще бы!

И я осуществила свою идею. Это был полный обалдемон!!!

И как вовремя я его надела! Это был последний теплый день! А платье сугубо летнее. Зарядили дожди, здорово похолодало... Ну, ничего, июль только начался...

Едва я переступила порог и предъявила выданный мне накануне пропуск, как увидела входящего за мной Андрея Олеговича. Он расплылся в радостной улыбке.

- Глашенька! С первым рабочим днем!

Чудесно выглядите! Валентин! – окликнул он молодого человека в футболке с надписью «Фиг ли!».

- Здрасте, шеф!
- Валя, пожалуйста, познакомьтесь, это Аглая Сергеевна, она будет вместо Татьяны! А это, Глаша, наш Валентин Германович, заведующий отделом по связям с общественностью. Валя, не сочтите за труд проводить Аглаю Сергеевну на ее рабочее место.

- Ладно, шеф, не сочту! Тем более что у девушки такие красивые ножки! Идемте, мадемуазель! Или, может, мадам? Но кольца не вижу! - Да нет, мадемуазель, - засмеялась я. И он повел меня к лифту. - Скажите, мадемуазель, вас и вправду зовут Аглаей? А сокращенно как? - Глаша! Только не говорите, что у вашей бабушки была кошка Глаша! - Представьте себе, была! Только не у бабушки, а у мамы, и не кошка, а такса! рассмеялся он. Мы поднялись на третий этаж. - Знаете, мне всегда казалось, что отделами по связям с общественностью, как правило, заведуют женщины. - Ну, это смотря где! Наша специфика чересчур сложна для прекрасных дам! - О, вы шовинист? - А вы феминистка, что ли? - Боже упаси! - Я тоже не шовинист. Просто мы это уже проходили и пришли к выводу, что на этом месте мужчина более уместен.

- Филфак? - засмеялся он. - Признаю, фразочка не очень... А вот мы и пришли!

В комнате сидело еще три человека: пожилая женщина в теплой шали и два

- Уместен на месте? Как-то не очень...

совсем молодых парня.

- Здравствуйте! Господа, позвольте вам представить, наш новый сотрудник Аглая Сергеевна Юрлова, вместо Татьяны!

Женщина окинула меня придирчивым взглядом и вдруг ласково улыбнулась. Парни кивнули.

- А это наш талисман, Евгения Давыдовна Мерзликина. А эти два оболтуса зовутся одинаково, Юрами, Юра Большой и Юра Рыжий! Тем более что у рыжего фамилия Рыжов, а у Большого - Большов! Вот такие тут у нас особенности. А это, Аглая Сергеевна, ваш стол. Располагайтесь. Евгения Давыдовна введет вас в курс дела. Засим позвольте откланяться!

И он ушел.

- Скажите, Аглая Сергеевна, начала Евгения Давыдовна, вы не родственница профессора Юрлова?
- Да, я его внучка.
- С ума сойти, я хорошо знала вашего деда, одно время даже работала с ним, но недолго, всего год... Замечательный был человек!
- Спасибо, мне приятно это слышать, Евгения Давыдовна.
- Давыдовна, начал Юра Большой, вообще-то такое дело отметить надо, новый человек в команде...
- Отметим, Юрочка, но после работы!
- Полагаю, господа, я должна проставиться? поинтересовалась я. Так я не против, но не в курсе ваших пристрастий!
- О, наш человек! хлопнул в ладоши Рыжий.
- Глаша, у нас на фирме сухой закон! Поэтому только чай-кофе, а с вас чтонибудь сладкое! Мы тут все ужасные сластены и ни разу не диабетики! засмеялся Большой.

- Это пока не диабетики! вздохнула Евгения Давыдовна.
- Типун вам на язык, мама Женя! воскликнул Большой. А что касается наших вкусов, то мы не особенные гурманы!
- Поняла! Я закажу, и к обеденному перерыву все доставят на проходную. Это возможно?
- Вполне!
- Все, хлопчики, за работу! Глаша, тут скопилось много всякой прессы и писем. За работу!

И она положила передо мной довольно пухлую папку. Я взялась за дело. Но ощущение от знакомства с новыми коллегами осталось самое приятное.

Часа за два до обеденного перерыва я заказала в хорошо знакомом мне заведении неподалеку большой пирог с мясом и много разных пирожных. На окне стояла хорошая кофеварка. Надо будет на днях принести кофе и чай.

Настроение у меня было роскошное, работа шла легко.

И хотя все они тут были сластенами, но восторг от мясного пирога превзошел все мои ожидания.

- Глафира, супер! Показал мне большой палец Рыжий.
- Рада, но вообще-то я Аглая!
- А можно я буду звать тебя Глафирой?
- Да хоть горшком!

Парни одобрительно переглянулись.

К нам заглядывали люди из других отделов, меня с ними знакомили. В основном это и вправду были мужчины.

Примерно часа за полтора до конца рабочего дня мне позвонил Андрей Олегович.

- Глашенька, как работается?
- Спасибо, все отлично!
- Вот и славно, а в субботу я приглашаю вас в гости, хочу познакомить с женой. Приходите к обеду, к трем часам. Сможете?
- Да, смогу! Спасибо!
- Вот и хорошо! Будем ждать!

В какой-то момент, когда в комнате осталась только Евгения Давыдовна, она спросила:

- Что, Глаша, шеф в гости приглашает?

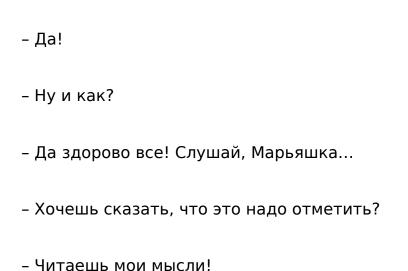
Я замялась.

- Да не дергайся ты, все нормально! Просто Людмила Арсеньевна должна утвердить твою кандидатуру!
- Господи! Зачем это?
- Ну, она хочет знать, с кем ее супруг будет колесить по миру.
- С ума сойти! А кандидатуру Татьяны она утверждала?
- Конечно, но она же не Тамара Глоба, и не могла знать, что Танька в Македонию намылится. Между прочим, имей в виду, что эта работа только на первый взгляд такая сладкая, когда все время мотаешься по разным странам, а во время

переговоров даже кусок проглотить бывает невозможно...

- Знаю! Уже съездила с боссом в Вену. После этой поездки он мне и предложил работу. А мотаться по разным странам я люблю! Да, Евгения Давыдовна, а если вдруг жена босса не утвердит мою кандидатуру?
- Да ерунда все это! Если ты Борисова устраиваешь, то работай себе спокойно. Это у него голова должна болеть, а не у тебя. Ты не представляешь, как он комплексует из-за своей неспособности к языкам! А ездить и общаться с иностранными партнерами приходится постоянно! И он в принципе хороший мужик, только бездельников не терпит. Причем ему неважно, корпишь ты над каким-то заданием круглые сутки или справляешься за два часа, лишь бы работа была сделана как следует. Поэтому у нас практически нет текучки...

Короче говоря, первый рабочий день на новом месте прошел на удивление хорошо. А уж когда я вышла на улицу и через двенадцать минут – я засекла время – очутилась у своего подъезда, жизнь и вовсе показалась мне прекрасной! У лифта я столкнулась с Марьяной.

- Обалдемон! Ты с работы уже?

- Что предлагаешь?

- Идти куда-то неохота, но у меня же есть твой португальский портвейн и я вчера нажарила вешенок с картошкой.
- Портвейн с картошкой? Это по-нашему, годится!

– Тогда приходи через минут сорок, я приму душ
- Через час! А я принесу мороженое!
- В такую холодину?
– Ништяк! Мы же русские бабы, не замерзнем!
В субботу я купила букет коралловых голландских пионов и поехала на улицу Дмитрия Ульянова, где жил академик Борисов.
Мне открыла немолодая, но элегантная женщина с добрыми глазами.
- Вы Глаша? Очень рада, заходите!
- Здравствуйте, Людмила Арсеньевна! Вот, это вам!
– Какой удивительный цвет у этих пионов! Никогда таких не видела! Они не пахнут
- Зато они постепенно меняют цвет. Сейчас они коралловые, а потом станут сперва желтыми, а потом и почти белыми.
- Как интересно! Спасибо, Глашенька! Андрюша говорит по телефону. Садитесь, деточка! Скоро будем обедать. Знаете, Андрей Олегович был в восторге от вас после Вены. Вы действительно внучка профессора Юрлова?
– Да.
– Я тоже помню вашего дедушку
Тут в комнату вошел до ужаса важный сибирский кот. Толстый и красивый.
- Ой, какой красавец! Как его зовут?

- Машук! - Машук? - засмеялась я. - Да, история банальная, взяли котеночка, назвали Машкой, а он оказался Машуком! Машуня, иди сюда, познакомься с Глашей! Машуня медленно подошел ко мне, принюхался, и вдруг вскочил мне на колени! Я обрадовалась, а Людмила Арсеньевна ахнула. - С ума сойти! Он сроду ни к кому чужому на колени не прыгал. Видно, вы ему здорово понравились! - А уж как он мне нравится! Я чесала кота за ухом и под подбородком, а он громко мурлыкал и терся об меня. И тут вошел Андрей Олегович. - Господи, что за чудеса! Машук на коленях у новой гостьи! Глаша, это высшая степень признания! Здравствуйте, дорогая! Людочка, ты не ревнуешь? - Кого я должна ревновать, уж не тебя ли? - Да где уж нам! Машуню! - Нет, Андрей, не ревную! Ну, все, пора за стол! Стол был накрыт в небольшой столовой, и Машук сразу уселся на четвертый стул. - Этот негодяй привык с нами обедать! - пояснил Андрей Олегович.

И он поставил на стол мисочку с сухим кормом. Кот встал на задние лапки и принялся аккуратно питаться. Я вдруг почувствовала себя уютно и спокойно.

Обед был очень вкусным, а разговор оживленным. - Знаете, Глаша, мы хотели пригласить к обеду еще и Игоря, но он сказал, что никак не может. Он ведь, кажется, был женат на вашей сестре? - спросила Людмила Арсеньевна. - Да. - И она увезла их дочку за границу? – Да. - А вы поддерживаете отношения с сестрой? - Нет. - Люда, ты задаешь бестактные вопросы! - Ox, простите, я просто не думала... Извините, Глаша! - Да ничего страшного, - улыбнулась я. - Мы с сестрой никогда не были особенно дружны. И прекрасно обходимся друг без друга. - Да, к сожалению, близкие люди часто обходятся друг без друга... - грустно проговорила Людмила Арсеньевна. Я поняла, что она имеет в виду сына. Людмила Арсеньевна направилась на кухню. Я предложила ей помощь, но она категорически отказалась. - Глаша, вы бывали в Марокко? - спросил вдруг Андрей Олегович. - Нет. А что, мы поедем в Марокко? - загорелась я.

- Не исключено. Но не сейчас, а во второй половине сентября.

- О! Это же мечта!
- Вот и отлично! А пока в четверг мы летим в Брюссель на два дня и оттуда на сутки в Страсбург. В понедельник вы получите все распечатки, надо будет перевести...
- Переведу! Это же моя работа... А билетами и отелем тоже мне...
- Нет, это не ваша забота! У нас есть специальный человек...

Тут Людмила Арсеньевна внесла на подносе какой-то фантастически красивый маленький торт.

- Это вы сами готовили? ахнула я.
- О, Люда у меня знатный кондитер! Только редко теперь меня балует...
- Да, Глашенька, я забыла поблагодарить вас за сумку! Восторг! Признайтесь, это вы надоумили моего мужа позвонить подруге? Сам он не сообразил бы...
- Признаюсь, я. Ну, сами подумайте, просит человек купить жене подарок...
- А почему вы решили купить именно сумку? Повторяю, я в полном восторге, но все же?
- Просто потому что сама обожаю хорошие сумки. Знаете, есть две вещи, которые я покупаю, что называется, по велению сердца – сумки и темные очки.
- Как это по велению сердца?
- Вот хожу, ищу сумку, и вдруг сердце начинает биться быстрее, значит, моя сумка...
- Надо же, как интересно... Но ведь сердце наверняка выбирает самые дорогие?

- не сказала об о ооже, людмила арсеньевна, какои сказочный торт:
Торт и в самом деле таял во рту.
– А вы умеете готовить, Глаша?
– Умею, да, но вот печь – нет.
- Хотите, научу?
– Да нет, спасибо, пока не нужно
- Почему это?
- Не для кого!
- Люда, девушке скоро некогда будет не то что торты испекать, а и дышать Нам предстоит такой объем работы, столько поездок! На носу конгресс в Португалии. Переговоры в Швейцарии, в Малайзии, в Южной Африке, тут не до тортов! И не до романов
- Девушкам всегда до романов! - улыбнулась Людмила Арсеньевна Тем более таким очаровательным девушкам.
Короче говоря, обед прошел, что называется, «в теплой дружественной обстановке». Меня приглашали еще заходить в гости. Видимо, мою кандидатуру утвердили!
Так началась новая страница моей жизни. На работе мне скучать не приходилось, обстановка в коллективе была вполне приятной, а поездки с шефом приносили массу впечатлений и удовольствий, несмотря на обычно очень плотный график. Можно даже сказать, что мы с академиком подружились. В поездках он был совсем другим, нежели на фирме. Куда мягче и спокойнее. И

- Это естественно, Глаша, вы умная интеллигентная девушка, у вас хорошая аура, а в коллективе нельзя быть мягким, а то сядут на голову. И потом, я не

как-то за очередной кашей в аэропорту я ему об этом сказала.

выношу некомпетентности. Это в нашем деле недопустимо. Глаша, скажите откровенно, почему вы одна? Это неправильно!

- Просто не встретила своего человека... По глупости выскочила замуж в девятнадцать лет и ничего из этого не вышло. И потом я последовательница Омара Хайяма. «Уж лучше одному, чем вместе с кем попало!» Так, кажется?
- Кажется, да, улыбнулся он. А вот Костя, наш сын, считал по-другому...

Он впервые заговорил о сыне.

- Связался с кошмарной девицей, мы воспротивились, и он ушел... Мы ужасно расстались! Примерно раз в год от него приходит открытка, мол, жив-здоров, искать меня не надо.
- Неужели все дело в девушке?
- Нет, это было, в сущности, предлогом, последней каплей... У него чудовищно трудный характер. Не терпел никакого диктата, ни в чем... Не слушал советов, жаждал какой-то абсолютной свободы, которой в цивилизованном обществе попросту быть не может. Впрочем, бог ему судья. Но нам так его не хватает... Людочка иногда плачет втихомолку...
- А вы не пробовали его искать? Ведь прошли годы... Он наверняка повзрослел, поумнел, понял что-то... Одно то, что он шлет вам открытки...
- Да ничего это не значит. Он их шлет, просто чтобы мы не вздумали его искать. Убежден в этом. Что ж, это его выбор... Я постоянно занят, мне недосуг предаваться печали и углубляться в свое отцовское разочарование, а вот Люда, когда вышла на пенсию... Я знаю, она даже пыталась найти его следы в соцсетях, но напрасно... Я объяснял ей, что человек, помешанный на свободе, не станет заниматься этой чепухой, которая, по сути, делает человека несвободным, категорически несвободным... Глаша, а вы?
- Что я?
- Как вы относитесь к соцсетям?

– Сугубо отрицательно.
- И вы не чувствуете себя одинокой без общения в соцсетях?
- Нет! Жизнь кажется мне очень интересной и без этих иллюзий
– Умница, Глаша!
У него были очень печальные глаза. И я решила отвлечь его.
– А знаете, Андрей Олегович, что со мной случилось буквально за день до нашего с вами знакомства?
– Видимо, что-то хорошее, раз вы решили таким образом отвлечь меня от грустных мыслей? – улыбнулся он. – Ну, расскажите!
И я рассказала ему о встрече с Мирославом.
– Да, история! Как романтично! И этот человек даже не спросил ваш телефон?
– Нет, он просто спас меня, и все Бескорыстно!
- Настоящий мужчина А вы часом не влюбились в него?
– Недели две думала, что влюбилась Но это еще хуже, чем влюбиться в киноактера.
– Потому что фильм можно пересматривать пока не обрыднет? – засмеялся он.
- Вот именно!
Но тут объявили посадку на наш рейс.
Время шло. Как-то вечером ко мне заглянула Марьяна.

– Слушай, Глашка. В доме художника открыта выставка керамики.
- И что?
– Давай сходим!
- С чего это вдруг? - безмерно удивилась я.
– Ну, хочется просто – каким-то странным тоном сказала она.
– Марьян, колись, в чем дело?
– В том, что художника зовут Мирослав.
– Ну и что? Мирослав не Навуходоносор.
– А вдруг это твой Мирослав?
- Да ну
– Ну ладно, не вредничай, Глашка! Завтра суббота, сходим на выставку, а потом посидим в кафешке.
– Ладно, сходим, – согласилась я. – Почему бы и нет.
Выставка была небольшая, всего один зал. Художника звали Мирослав Гончар. И мне страшно понравились его работы. Это были в основном сосуды каких-то
удивительных форм. Но особенно меня пленили стоявшие на отдельном стенде четыре подобия амфор с фигурами танцовщиц, белыми, красными, желтыми и голубыми. Танцовщицы казались воздушными, чуть ли не прозрачными, и они словно летели
четыре подобия амфор с фигурами танцовщиц, белыми, красными, желтыми и голубыми. Танцовщицы казались воздушными, чуть ли не прозрачными, и они
четыре подобия амфор с фигурами танцовщиц, белыми, красными, желтыми и голубыми. Танцовщицы казались воздушными, чуть ли не прозрачными, и они словно летели

- А ты глянь, как называется экспонат! «Они раньше исполняли танец маленьких лебедей».
- Слушай, как здорово! Маленькие лебеди выросли и стали такими дивными балеринами... Хотя нет, они просто стали солистками балета... Как хорошо, с одной стороны, все понятно, а с другой - какой простор для воображения! Каждой можно придумать судьбу... Вот эту, красную, ее сжигают страсти...

Видишь, какие руки... Ох, Марьянка, будь у меня большой дом, я бы ничего не

- Воображаю, сколько они стоят!
- Ну, в моей двушке им по-любому было бы тесно...

пожалела и купила эти вазы... И любовалась бы ими...

Там были и еще интересные вещи, но я невольно возвращалась взглядом к танцовщицам.

- Интересно, а автор здесь? спросила Марьяна.
- Зачем он тебе?
- Посмотреть охота!

Она подошла к пожилой смотрительнице.

- Простите, пожалуйста, а господин Гончар сегодня здесь?
- Нет, он только завтра будет. А вы хотели бы что-то купить?
- Ну, в принципе... Да!
- А что именно? Я отмечу, а вы завтра приходите.
- Вообще мне жутко понравились вон те четыре вазы. Они все скопом продаются или можно купить одну?

– Они уже проданы.
– Да? А там не написано
– Написано, вы просто не заметили
– Да? Может быть. Так залюбовались
– Ладно, Марьяш, пойдем, – позвала я ее.
Мы вышли на улицу.
- Вот интересно, - начала Марьяна, - это псевдоним «Гончар»? Ваша фамилия? Гончар! А ваша профессия? Гончар!
- Ну, Гончар достаточно распространенная фамилия А человек явно очень талантливый.
– Жалко, не удалось на него посмотреть.
– Да ну, ерунда это Пошли кофе пить!
А в воскресенье вечером мы с Андреем Олеговичем улетели в Будапешт. И пробыли там два дня.
Едва я вошла в квартиру, как в дверь позвонили. Я открыла. На пороге стояла Марьяшка с весьма загадочным выражением лица.
– Ну, как съездила?
– Нормально. Очень красивый город. Но мне там почему-то было неуютно.
– Это потому, что ты венгерского не знаешь! Привыкла везде быть как рыба в воде со своими языками

– Может, ты и права, – засмеялась я. – Колись, что там у тебя. Такая загадочная физиономия!
– У меня, – она подняла вверх свой смартфон. – У меня тут портрет Мирослава Гончара!
– Откуда? В Сети нашла?
– Ни фига! Просто сфоткала на выставке. Вот, глянь, твой Мирослав?
У меня сердце оборвалось. Это был он! Тот же слегка нахмуренный взгляд огромных глаз Тот же сурово сжатый рот
– Ой, Глашка, это он, да?
- Да!
– Обалдемон! Я как чувствовала! На другой день опять поехала на эту выставку
- Зачем?
– Любопытство заело! Я вот чуяла, что это твой Мирослав
– Ты его тайком снимала?
- Да нет, почему! Просто подошла, улыбнулась, наговорила кучу комплиментов его творениям, он и поплыл, правда, далеко уплыть ему не дали
- То есть?
- А баба там появилась
– Его баба?
– Похоже, его.

– И что?
– Подошла к нему эдак по-хозяйски, взяла под руку и очень властно заявила: «Мирек, к чему это все? Девушка, вы журналистка?»
- А ты что?
- Сказала, да, журналистка!
- А она?
- «Мирослав не выносит прессу! Если вам нужно интервью, так обращайтесь ко мне, я его представитель!» Сунула мне свою визитку и тут же ушла. Вместе с ним. Практически увела. И по-моему, она не только представитель
– А что за баба-то?
- Лет на десять его постарше, очень элегантная, противная, акцент у нее какой- то, не поняла, какой именно. Вот ее визитка, глянь!
Я глянула: «Анетта Бергстрем, галерист».
- Судя по фамилии, она шведка или что-то в этом роде.
– Но по-русски чешет совершенно свободно.
- Красивая?
– Эффектная. Но старая. И он, сдается мне, ее побаивается.
- Невероятно!
- Что, собственно, невероятно?
– Чтобы такой лихой и решительный мужик побаивался

- А что такого невероятного? Похоже, его художественная судьба как-то зависит от этой тетки, она держит его в ежовых рукавицах...
- Значит, о нем и думать не стоит!
- А ты все еще думаешь? Обалдемон!
- Теперь больше не буду.
- А вообще-то он и вправду очень интересный, фигура хорошая...
- Да много ли толку во всем этом, если он боится и полностью зависит от старой бабы.
- Ой, Глашка, ты что, все-таки влюблена в него? По уши, да?
- Нет, я была влюблена в того, из берлинского аэропорта... И отдельно влюблена в его четыре амфоры. Я же не знала, что это он... Ох, Марьяна, и какого черта тебя понесло на эту выставку? А теперь... такое разочарование...
- Ну и хорошо! Скажи лучше спасибо! Зачем он нужен такой?
- Такой не нужен!

Прошло дня три, и как-то на работе, когда я закончила перевод протоколов Будапештского конгресса, я полезла в Интернет, узнать, кто такая Анетта Бергстрем, и выяснилось, что шведская галеристка Анетта Бергстрем, в девичестве Анна Нечитайло, родилась в Свердловске, ныне Екатеринбурге, окончила Строгановку, вышла замуж за шведского миллионера Уве Бергстрема. Десять лет назад овдовела, содержит художественную галерею в Стокгольме и помогает молодым талантливым художникам из России. Про Мирослава Гончара там не было ни слова. Тогда я набрала в поисковике «Мирослав Гончар». Сведения более чем скупые. Родился в Москве в 1983 году в семье врачей, высшего образования не получил. По профессии гончар. Вот и все. Не густо. Столь скудные сведения обычно означают, что человек явно скрывает свою

истинную биографию, либо попросту стыдится ее. Вполне возможно, что там, в берлинском аэропорту, он действовал столь умело и решительно, не потому что работал на таможне, а потому что сам занимался подобными делами, засовывал в чужие рюкзаки наркоту. Ведь засунул же он красную ключницу в рюкзак тому парню. И тот ничего не заметил, а в Москве его вроде бы замели. А может, дело было вовсе не во мне, а в том, что он знал этого типа и таким образом за что-то мстил ему? Да, тут сам черт ногу сломит... Но меня неудержимо тянуло вновь и вновь смотреть на его фотографию, которую Марьяна милостиво скинула мне на телефон. Какое дивное лицо! Глаз не оторвать. Эти огромные глаза, в которых читалась... боль. Едва заметная улыбка, коротко стриженные темно-русые волосы... На такое лицо можно смотреть долго-долго и видеть в нем то, что, собственно, хочется видеть. Мужественного человека, романтического героя, спасающего незнакомую женщину, а вовсе не пусть и талантливого, но художника, зависящего от галеристки, с которой он, скорее всего, спит, а она держит его при себе... Нет, это не мой герой! Зря Марьяшка полезла в эту историю. Расковыряла все... А я уже начала забывать о нем. Видимо, в Берлинском аэропорту он был один, и там он был мужчиной, а в выставочном зале под присмотром фру Бергстрем - слабаком-художником... Может, у него раздвоение личности? А зачем мне псих? Боже упаси! И все-таки я постоянно возвращалась мыслями к Мирославу Гончару. Перед глазами стояло его лицо и... четыре амфоры с танцовщицами. И как-то утром я вдруг поняла, что мне просто необходимо еще раз поехать на эту выставку, если она, конечно, еще не закрылась. Я полезла в Интернет. И выяснила, что завтра последний день ее работы. У меня уже не осталось сомнений.

- Евгения Давыдовна, можно мне сегодня уйти часа в три? не без робости спросила я.
- А в чем дело, Глашенька?
- Да мне к врачу надо! соврала я.
- Ну, если к врачу... Идите, конечно. У вас что-то болит?
- Хоть и не болит, но... пломба вылетела. И уже начинает ломить от холодного...
- Ох, бедненькая! Идите, конечно, идите! Зубы запускать нельзя!

И я поехала на выставку. В зале кроме меня никого не было. Но большинство работ было уже продано. Впрочем, я ничего покупать не собиралась. Смотрительница сегодня была другая. Я спросила:

- Извините, а автор сегодня будет?
- Вроде недавно был, может, еще заглянет, совершенно безразличным тоном ответила женщина.

И вдруг мой взгляд наткнулся на совсем небольшой кувшин, ничем как будто бы не примечательный, из темной словно бы старинной глины, такое впечатление, что его нашли на раскопках... Я пригляделась, таблички с надписью «Продано» не было видно.

- Скажите, а этот кувшин продается?
- Таблички нету? Значит, продается.
- А сколько он стоит?
- Да откуда мне знать! раздраженно бросила женщина. Сейчас позвоню. Вы в самом деле хотите купить или же просто так интересуетесь, а то мне лишний раз зазря с этой мегерой общаться нет резона.

Очень интересно, кого она имеет в виду? Уж не Анетту ли Бергстрем?

- Я бы купила, но я ж не знаю, сколько стоит, может, мне это не по карману, улыбнулась я женщине.
- Да тут все дорого, сам-то Гончар легко сбавляет цену, а вот его мегера...
- Кто? Жена?
- Ну, похоже на то. Так что, девушка, звонить? Какой там номер у экспоната?

Я сообщила номер.

Женщина позвонила. - Алло, здравствуйте. Тут девушка хочет купить кувшинчик, ценой интересуется. Вы сможете подождать четверть часа? - обратилась она ко мне. - Конечно, подожду! - Она сама придет, - проворчала смотрительница. И вдруг лицо ее расплылось в улыбке. - Ой, а вот и автор! Я оглянулась. Передо мной стоял Мирослав! - Глаша? Вы? Как вы сюда попали? Ну, для начала здравствуйте, Мирослав!
 Я протянула ему руку. Он, чуть помедлив, схватил ее и крепко пожал. - Так каким ветром вас сюда занесло? - Обычным! Как любого посетителя... Вот хочу купить вон тот кувшин, если он мне по карману. - Я вам его подарю! - Ну что вы, с какой стати? - Мне просто хочется! Послушайте, я и так уж перед вами в неоплатном долгу, так еще и это... - Прекрасная женщина не может быть в долгу перед мужиком, я хочу подарить вам этот кувшин и подарю. Но выставка закрывается только завтра... Вот что,

дайте мне ваш телефон, я позвоню, мы встретимся, и я вам его вручу. Идет?

О! Он хочет назначить мне свидание? Что ж...

Я достала из сумочки свою визитку.

Тут появилась фру Бергстрем. Она была чрезвычайно, не по-скандинавски, элегантна, весьма красива, но в глазах застыла настороженность.

- О, Мирек, ты уже тут! Девушка, это вы покупатель?
- Да, но господин Гончар уже назвал мне цену. К сожалению, она для меня непосильна. Всего доброго!

И я быстро ретировалась. И все же я не зря сюда пришла! Это явно мой мужчина! Но интересно, он действительно позвонит и подарит мне этот кувшин? Вот и поглядим! Меня переполнял восторг, хотя я вовсе не была уверена в том, что все состоится. Какое лицо! Так и хочется смотреть! И как он сказал: «Прекрасная женщина не может быть в долгу перед мужиком...» Эту фразу сказал тот человек, из аэропорта Шёнефельд... А у этого, из выставочного зала, глаза сразу погасли при появлении фру Бергстрем. Испугался? Но он считает меня прекрасной женщиной... Или это просто клише - прекрасная женщина? Нет, ведь он захотел подарить мне этот кувшин, а значит, встретиться со мной. Выставка закрывается завтра. Вероятно, они будут как-то отмечать это событие, и раньше, чем послезавтра, звонка ждать не следует... А скорее всего и вообще не следует ждать. Может, это просто был порыв художника, порыв пройдет, станет жалко дарить кувшин... Но что-то мне подсказывало, что он непременно позвонит и подарит кувшин. В нем изумительно будут смотреться красные розы, например, или астры... Вот удивится Марьяшка, когда увидит у меня этот кувшин! Полный обалдемон!

- Глашенька, как ваши зубки? встретила меня Евгения Давыдовна.
- Хорошо, что вовремя пошла!
- Было больно?
- Так, слегка. Ничего страшного!
- А я так боюсь зубных врачей, ужас просто! Но у вас сегодня совсем другой вид!

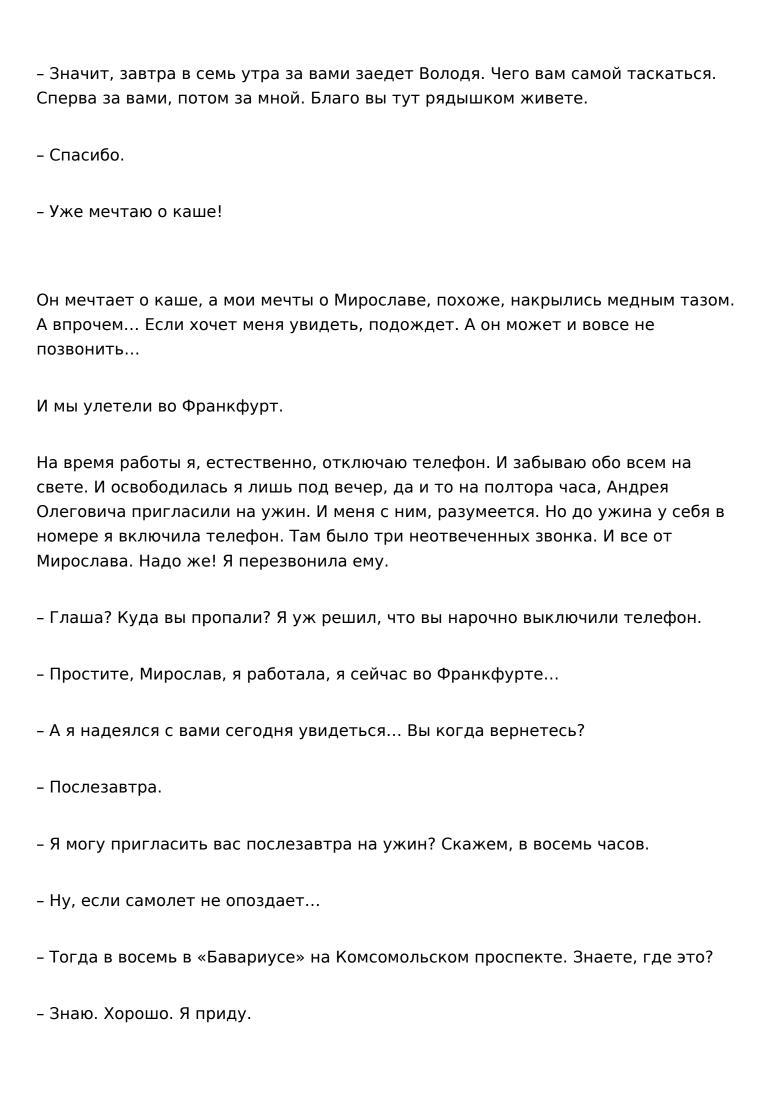
Каждую свободную минуту я мысленно возвращалась к Мирославу и его мегере. Неужто это его жена? О, тогда мне не поздоровится! А какие у него глаза! Глубокие, красивые, но мне на мгновение показалось, что он взглянул на нее даже с некоторым испугом. Если бы не его действия в аэропорту, я бы подумала, что он просто прикидывается мужиком... Но тут меня вызвали к Андрею Олеговичу.

- Глашенька, завтра утром летим во Франкфурт. - На Майне или на Одере? - уточнила я. - На Майне, на Майне, - улыбнулся Андрей Олегович. - Надолго? - На два дня. А что, у вас какие-то планы? - Нет-нет, я просто спросила. А что там? Переговоры? - Нет, конференция, черт бы ее побрал. Не люблю Франкфурт, скучный город! Вы там бывали? - Нет. - Ну, ежели вас не волнует музей Гёте, то... - Да нет, не волнует! - Ну ничего... Пробежитесь по магазинам... если время позволит. - Надо что-то купить Людмиле Арсеньевне?

- Да нет, - засмеялся он, - просто девочки любят бегать по магазинам. Только не

говорите, что вы не из их числа!

- Даже не собираюсь!

- Очень на это надеюсь, Глаша. И про кувшин я не забыл.
- Спасибо вам!
– Глаша, отчего такое сияние? Можно узнать?
- Да так
– Вам позвонил молодой человек? И сказал что-то приятное?
- Да!
– Вы так сияете А можно нескромный вопрос?
- Валяйте!
– Уж не ваш ли это герой из Шёнефельда?
– Он самый! – засмеялась я.
- Выходит, он вас нашел?
– Нет, мы случайно столкнулись в доме художника.
– Вы обрадовались?
- Если честно, очень!
- А чем он занимается, если не секрет?
– Он гончар.
- В каком смысле?

– В двух смыслах. Он гончар по профессии и по фамилии.
- Он делает горшки?
– О, видели бы вы эти горшки Просто чудо! Вот, хотите взглянуть?
И я показала ему в телефоне четыре амфоры с танцовщицами.
– Слушайте, и вправду великолепно! Он не просто гончар этот ваш Гончар, он настоящий художник! Надо же! А можно еще нескромный вопрос? – лукаво взглянул на меня академик.
- Можно.
- Он назначил вам свидание?
– Да. Но я уехала.
- Ничего, вернетесь. А он свободен?
– Не знаю. Обручального кольца нет, но есть некая дама как я поняла, дама- патронесса, шведская галеристка А впрочем, зачем вам, Андрей Олегович, вся эта чепуха?
– А я, знаете ли, жутко любопытный, – засмеялся академик. – Люда утверждает, что у меня это старческое А у вас, Глаша, есть фотография этого Гончара?
- Чего нет, того нет!
Мне почему-то не хотелось показывать ему фотографию. Вот не хотелось и все!
– Жалко! Любопытно было бы взглянуть хоть одним глазком на вашего героя
- Любопытство заедает?
– Что ж вы не добавили «старческое»? – засмеялся он.

- Из деликатности! - заявила я.

Он со смехом погрозил мне пальцем. На этом инцидент был исчерпан.

Но вечером у себя в номере я открыла его фотографию. Какое лицо! Смотрела бы и смотрела.

На другой день после завтрака – у нас было два часа до встречи с партнерами – я пошла пройтись по улицам, просто так, без всякой цели, оставив академика в гостинице. И вдруг я увидела небольшой магазинчик с товарами для животных. В витрине сидел здоровенный игрушечный кот, перед которым стояла мисочка с кормом. Мисочка была такая красивая – ярко-желтая с лиловыми цветочками. Машук! Я вошла в магазин, мне показали много разных мисочек, спросили, какой у меня кот, узкомордый или широкомордый, с плоским носом или нет. Я ткнула пальцем в фотографию сибирского кота – по стенам были развешаны снимки разных пород. Но как оказалось, мисочка с витрины годилась только для узкомордых. И в результате я купила Машуку целый сервиз, три мисочки – для сухого корма, для влажного и для воды. Одна темно-синяя с красными птичками, другая зеленая с розовыми мышками и желтенькая с зелеными травками. Красотища!

Хозяйка магазина расспрашивала меня про моего кота, рассказывала про своих двух британских кошек, в результате, когда я посмотрела на часы, стало ясно, что надо очень спешно возвращаться в отель. И первый, кого я увидела на улице, был Андрей Олегович, который нервно прохаживался перед входом в отель.

- Глаша! Наконец-то! Где вас черти носят?
- Что-то случилось?
- Нет, но я вдруг испугался, что вы заблудитесь... Я так не люблю Франкфурт!
- Господи, Андрей Олегович, у нас еще полчаса времени! Я бегу переодеваться. Встречаемся в лобби! Да, вот эта коробочка мой подарок Машуку!

- Подарок Машуку? А что это?
- Набор красивых мисочек!
- С ума сойти! Спасибо! Думаю, это не столько Машука обрадует, сколько Люду. Но так или иначе, спасибо вам огромное. Бегите переодевайтесь!

Удивительное дело, мой шеф, ученый с мировым именем, удачливый бизнесмен одновременно, а общаться с ним так легко и приятно! Как много значит, когда человек занимает свое место. И к тому же хорошо воспитан!

В день отлета я с самого утра начала волноваться, улетит ли вовремя наш самолет. Полезла в Интернет. Вроде бы с погодой и в Москве, и во Франкфурте проблем не ожидается.

Но все прошло благополучно. Меня, как повелось в последнее время, завезли домой, я спокойно приняла душ, навела красоту, оделась и заказала такси. И чего я, дура, так волнуюсь? Давненько не ходила на свидания? Да нет, не так уж давно, примерно полгода назад... Но так я не волновалась, кажется, еще никогда.

Я вышла из такси и сразу увидела Мирослава. Он стоял, держа в руке высокую коробку. Кувшин! И как-то нервно озирался.

- Мирослав! - окликнула я его.

Он расплылся в улыбке и кинулся ко мне.

- О! Глаша, как я рад вас видеть! Умница, не опоздали! Вот, это ваш кувшин! Только знаете, что я подумал: идти с такой прелестной девушкой в пивной ресторан... как-то не того... У меня есть другая идея. Вернее, даже две...
- Излагайте!
- Тут недалеко, на набережной есть ресторан-поплавок. А еще можно сесть на кораблик с рестораном и поплыть по реке, благо сегодня хорошая погода...

- Мне вторая идея нравится больше, только там, кажется, надо заранее заказывать столики... - А я заказал на всякий случай. На худой конец отменил бы... - улыбнулся он своей невозможной улыбкой. - Какой вы предусмотрительный. Он тут же вызвал такси, оно подъехало через минуту. И вскоре мы уже поднялись на борт небольшого парохода. - Господа желают сидеть на свежем воздухе или в помещении? - Господа желают на свежем воздухе! Правда, Глаша? - Конечно! Нам сразу подали меню, я начала его листать, а Мирослав смотрел только на меня. - Глаша, Глаша, вы верите в судьбу? - Вы о чем, Мирослав? - А я верю... Знаете, почему я исчез, не взяв ваш телефон, не назвался даже... - И почему? - Испугался! - И чего вы испугались? - Понимаете, когда я там, в Шёнефельде, подошел к вам... и обнял вас... и ощутил запах ваших духов... ваш запах, я вдруг понял, что... это судьба... Но в моей жизни так сложно все завязано, и запутано и я уже привык к этим путам... и испугался, что, порвав их, я повисну... просто повисну в пустоте. И я смалодушничал... А потом уговаривал себя, внушал себе, что я, собственно, ничегошеньки об этой девушке не знаю, скорее всего у нее есть муж или любимый человек, и ей уже не семнадцать, это в семнадцать лет кажется невесть какой радостью повиснуть в пустоте... в шалаше и что там еще...

Он говорил с такой мукой в глазах и в голосе, так горячо, даже лихорадочно, но его слова казались мне музыкой, и хоть мне давно уже не семнадцать, я, кажется, была готова повиснуть с ним в любой пустоте... хоть в вакууме, хоть в космосе... Но я молчала. Что он еще скажет?

- И вдруг я увидел вас на выставке... Вы были совсем другая... Элегантная, на каблуках, но запах... ваш запах... он никуда не делся... Это запах судьбы... Моей судьбы.
- Господа уже сделали выбор? подошел к нам официант.
- Ох, простите, еще пять минут! смутился Мирослав. И принялся просматривать меню. Но я видела, что он едва сдерживается... Послушайте, можно уже принять заказ! кивнул он стоявшему чуть поодаль официанту.
- Глаша, что вы пьете?
- Да, пожалуй, бокал сухого вина, белого.
- Дайте бутылку шардоне! распорядился Мирослав.

Официант отошел.

- Глаша, милая, простите, вы, вероятно, подумали, что я или псих, или алкоголик, может, я немного псих, но не алкаш, это точно. Но я действительно верю в знаки судьбы... А вы?
- Пожалуй, раньше не верила, а теперь...
- Что теперь?

- Понимаете, там, в Берлине, я жутко испугалась, все это было как в дурном кино... Но когда я добралась до дома, я вдруг подумала, что если бы не вы, моя жизнь могла бы просто рухнуть, страшно подумать, что было бы, если бы вдруг меня обыскали, а даже если нет, то ко мне явился бы тот тип... Короче, я подумала, что моя жизнь... что теперь что-то должно измениться к лучшему. И буквально в тот же день мне предложили новую работу, которая к тому же находится в десяти минутах ходьбы от дома, а раньше я тратила полтора часа только в один конец. И знаете, я пошла и купила себе чемодан... С рюкзаком больше не езжу!
- Да вы просто умница, Глаша... А что вас привело на мою выставку?
- Не что, а кто. Моя подруга Марьяна. Она постоянно ходит на всякие выставки... И я пришла просто в восторг, особенно от этих амфор с танцовщицами... Можно я задам, вероятно, идиотский вопрос...
- Валяйте! улыбнулся он.
- Я понимаю, вы делаете эти сосуды из глины, удивительной красоты сосуды, а вот этих танцовщиц вы тоже сами рисовали?
- Да. Сам. Меня тогда захлестывали эмоции... Я попробовал... Вроде получилось...
- Вроде! Да это шедевр!
- Ну, так уж и шедевр...
- Но ведь эти танцовщицы все разные... У каждой своя судьба... И название... Оно пробуждает фантазию, ты придумываешь жизнь каждой из них... Вот красная... это сама страсть... но какая-то разрушительная что ли...
- Боже мой, Глаша! Вы чудо! Вы так тонко и точно все поняли! А кто вы по профессии, Глаша?
- Толмач!

- То есть? Переводчик? - Ну да. Окончила филфак, раньше работала в рекламной структуре, а сейчас в НПО. - Что это такое? - Научно-производственное объединение. Я люблю путешествовать, а на этой работе уж раз в десять дней непременно где-нибудь бываю с шефом. Он хороший добрый человек, мы с ним, можно сказать, друзья. - А сколько ему лет? - Много! Хорошо за шестьдесят. - И он не домогается? - Да боже сохрани! - Вы не замужем? - Нет. Была когда-то, но развелась. Давно. - И вы живете одна? - Да. Мирослав, вы вот все выспросили обо мне, а я о вас ничегошеньки не знаю. Только знаю, что вы очень талантливый художник. И еще – что вы когда-то работали на таможне, или это не совсем так? Вы на таможне не работали, а перевозили что-то таким вот образом, запихивая товар кому-то в рюкзак? Я права? Он смотрел на меня очень пристально. - Вы еще и умная... - хмыкнул он. - Было дело! Но я тогда был совсем молодым идиотом. Меня кидало из стороны в сторону и вот занесло ненароком в контрабандисты. Но я не выдержал... Совестно было... Такой вот совестливый

оказался контрабандист. Просто если бы я только своей свободой рисковал, а выходило, что в основном чужой. Это мне не нравилось. И я слинял далеко, аж на Дальний Восток, ходил в море с рыбаками, чтобы меня не нашли прежние дружбаны. В ресторане во Владике пел-плясал. Имел успех, один продюсер предлагал мне начать эстрадную карьеру...

- Ничего себе!

- Одним словом, искал себя... А потом меня занесло в Среднюю Азию, в Самарканд. И я случайно попал в мастерскую к гончару... Когда увидел, как он мнет руками глину, как на гончарном круге получаются у него кувшины, чаши, вазы... Я напросился к нему в ученики... И вот когда я впервые коснулся глины... я ощутил, что хочу заниматься только этим... Мой учитель, Аскар-ака, говорил, что у меня талантливые пальцы... что я скоро его превзойду, я радовался как дурак... Конечно, сперва мои изделия никуда не годились, но постепенно в руках появилась уверенность и мои пиалы и кувшины имели уже надлежащий вид. Тогда Аскар-ака начал учить меня расписывать посуду, обжигать в печи... Я проучился у него полтора года, а потом...
- Потом вам стало тесно в рамках традиционных азиатских узоров, да? решилась вдруг спросить я.
- Именно! обрадовался он. Именно!
- И что же дальше?
- Я понял, что теперь у меня есть цель в жизни, но совершенно нет денег. И я вернулся во Владивосток, и опять пошел работать в ресторан. Меня с восторгом взяли, я там пел, мне очень хорошо платили.
- И женщины сходили от вас с ума.
- Было и это... Молодость... Но теперь у меня была цель! Я хотел иметь свою гончарную мастерскую. С печью. Я чувствовал, что это моя жизнь... Руки тосковали по глине. Свободного времени было много, я рисовал сперва всякие орнаменты, потом какие-то фантазии... получалось... Потом купил коробку пластилина и стал лепить фигурки животных, просто для тренировки пальцев... Но однажды меня пригласили в круиз по Тихому океану, петь... Я согласился,

там посулили очень хорошие деньги, а я как Скупой рыцарь дрожал над каждой копейкой И еще хотелось повидать мир
Он замолчал как-то смущенно.
– Ну, что же вы, Мирослав? О, кажется, я поняла
– Что вы поняли? – он вскинул на меня испуганные глаза.
Конец ознакомительного фрагмента.
Купить: https://tellnovel.com/ru/ekaterina-vilmont/pticy-ego-zhizni
Текст предоставлен ООО «ИТ» Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: <u>Купить</u>